

центр тяжести

роман

Алексей Поляринов

18+

Алексей Валерьевич Поляринов

Центр тяжести

Альпина нон-фикшн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22983360

*Центр тяжести: [роман] / Алексей Поляринов. – 3-е изд.: Текст
предоставлен правообладателем; Москва; 2023
ISBN 9785001399612*

Аннотация

Дебютный роман Алексея Поляринова, писателя, переводчика Д. Ф. Уоллеса, специалиста по американскому постмодернизму. Это роман об актуальном – о развитии IT-технологий и непредсказуемых последствиях этого, о современном искусстве и противостоянии человека и системы.

Его герои выросли в 90-е. Книга открывается повестью, написанной от лица мальчика Петро: первая дружба и симпатия, проблемы в школе, детективная история с поисками таинственного озера, – органичной частью повествования становятся волшебные сказки его матери. Однако затем вступают новые рассказчики – его брат Егор, их сводная сестра Марина, друг Грек – каждый из которых обладает собственной, отличной точкой зрения на события. В текст вторгаются фрагменты рукописей и интервью. История стремительно превращается из семейной саги в антиутопию с элементами киберпанка.

Экспериментируя с формой и структурой, создавая роман в романе, в финале автор сводит все линии воедино, и мозаичное полотно становится цельной картиной.

Настоящее издание дополнено предисловием автора.

Содержание

Предисловие	8
Петро	15
ГРАФТ И СЕРДЦЕ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алексей Поляринов

Центр тяжести

Редактор *Татьяна Королёва*

Издатель *П. Подкосов*

Главный редактор *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Корректоры *Т. Мёдингер, Ю. Сысоева*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Иллюстрация на обложке *Getty Images*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© А. Поляринов, 2018

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Алексей Поляринов

ЦЕНТР ТЯЖЕСТИ

роман

Третье издание

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2023

альпина
ПРОЗА

Предисловие

Первый черновик «Центра тяжести» я закончил в самом конце 2016 года. Это была книга о молодых людях, которые пытаются, по выражению одного из героев, «[выстроить] вокруг родных капсулу разумного, безопасного мира», но ничего не выходит – стенки капсулы истончаются, а в конце – спойлер! – герои терпят крах и бегут из страны.

Прошло пять лет с момента выхода книги, и вот я пишу предисловие к переизданию, Россия в изоляции, я за границей и не знаю, смогу ли когда-то вернуться, и, хотя сам я в безопасности, мне тем не менее приходится тщательно подбирать слова, чтобы не навредить оставшимся на родине моим редакторам, агенту и издателю.

Когда в 2016-м я заканчивал первый черновик романа, я не чувствовал радости, скорее неловкость – всякий дебютант знает, о чем я. Все – или многие – дебютные романы похожи: ты пишешь их с ощущением, что второй попытки не будет, что это – твой последний шанс сказать хоть что-то, поэтому ты запикиваешь в одну книжку все, что есть у тебя за душой. Но тебе нет и тридцати, и за душой не так уж много всего. Поэтому первый роман чаще всего выглядит как набор сюжетов, неловко скрепленных страхом автора, что он неинтересный писатель.

Так было и у меня: я писал вслепую, обо всем, что боле-

ло и беспокоило. Отсюда в романе травля в школе, развод родителей, увлечение акционизмом, технофобия и, конечно, политика. А еще вставные сказочные новеллы. На новеллах я хотел бы остановиться поподробнее. Потому что не все они дожили до печати. Черновик «Центра тяжести» был довольно большой, на финальном этапе он трещал по швам от несвязанных между собой сюжетов, и я боялся, что редактор не сможет дочитать эту хреновину до конца и меня попросту никогда не напечатают. Так – чтобы облегчить текст – я решил вырезать несколько самых безумных вставных историй. В итоге я оставил только самые сказочные, детские – о чем сейчас немного жалею.

Одна из вырезанных новелл называлась «Товарищ Дубов, наладчик трубопроводов». Рассказ начинался как стилизация под советский соцреализм: главный герой работает на распределительной станции некоего трубопровода, и сначала все выглядит так, словно по трубам качается обыкновенная нефть, но затем в текст проникают разного рода странные детали, и постепенно становится ясно, что действие происходит в техническом отделе подземного мира, а товарищ Дубов – одно из воплощений смерти. Дубов замечает на одном из счетчиков отклонение от нормы. В трубопроводе, идущем через город Оградогорск, резко упало давление – обычно это говорит об утечке. Дубов берет свой чемоданчик с инструментами и отправляется в Оградогорск, чтобы найти и залатать пробоину. На месте он обнаружива-

ет, что утечка вызвана вовсе не аварией, жители близлежащего города наткнулись на трубу и по старой русской привычке решили просверлить в ней дыру, проверить, что внутри. Из трубы потекла черная жижа, вещество смерти, а мужики решили, что это мазут, и подключили трубу к местной котельной. С тех пор дома в Оградогорске отапливают смертью. Но это не все: дым, идущий из труб, отравляет воздух и влияет на людей весьма своеобразно – на коже горожан, как татуировки, проявляются надписи, которые обычно пишут на могильных плитах – эпитафии, годы жизни или даже портреты умерших¹. У некоторых из груди, из спины или из шеи, разламывая кости и разрывая мышцы, прорастают фрагменты ржавых кладбищенских оградок и пластиковых венков. В конце новеллы товарищ Дубов обнаруживает, что все оградогорцы превратились в ходячие могилы. Поскольку Дубов – бюрократ, он не может просто так развоплотить их обратно; вернуть человеческий облик можно только в том случае, если люди попросят его об этом, и здесь герой сталкивается с главной проблемой – люди-оградки не желают ничего исправлять, ведь тогда им придется сознаться, что они подворовывали из трубопровода, а это для них – слишком: ведь признавать свои ошибки – это для лохов. Так они думают. Им проще приспособиться к новой жизни ходячих

---

¹ Эта идея, кстати, позже все же дала небольшой росток: в моем втором романе «Риф» есть история о ээке, который превратил свое тело в мемориал, набил на нем имена погибших при расстреле.

оград и надгробий.

Тогда, еще в 2016-м, я помню, решил не включать этот текст в роман. Он казался мне слишком чернушным и нелепым, я попросту стеснялся этой своей завороченности могилами. Я думал, что это какой-то мой личный бзик, который не стоит вываливать на читателя, в романе и так достаточно других моих бзиков. А теперь, в 2022 году, читаю новости из России и думаю: ой.

Вторая удаленная новелла называлась «Золотая антилопа». Это была история о чудовище, живущем в пещере рядом с деревней, – местные жители называют его «золотой антилопой», хотя оно не особо похоже на антилопу: тело у него антилопье, ножки худые и тонкие, как у газели, но голова огромная, безволосая и безглазая; его голова – один большой рот, и чудовище не может держать ее прямо, поэтому волочит свой череп с раззявленным ртом по земле на длинной тонкой шее. Антилопа никогда не выходит из пещеры, поэтому, в общем, если к ней не заходить, то никакой опасности и нет. Но при этом человек может сам прийти к чудовищу и дать ему съесть часть своего лица, а в обмен получить небольшой золотой самородок. Идея была в том, что люди ходят к антилопе сами, точнее – они вынуждены, потому что дела в деревне идут очень плохо, и, если кто-то влез в долги или взял кредит, который не в силах отдать, у него чаще всего остается только один вариант: отправиться в пещеру и обменять глаз или нос на золотой самородок.

Заканчивался рассказ описанием деревни, в которой по улицам ходят исключительно люди с обглоданными лицами, и, когда становится очевидно, что лиц больше нет, а золота все еще хочется, местные мужики придумывают план: они снаряжают отряд, и идут в соседнюю деревню, и начинают похищать из нее людей, и скармливают их золотой антилопе – фактически обменивают похищенных на золотые самородки.

Я помню, как написал первый черновик этой кроненбергской сказки и даже придумал, куда мог бы вставить ее в романе, но в итоге решил, что лучше не надо: история казалась слишком жестокой, грубой и топорной метафорой потери лица и очень омрачала и без того довольно безрадостную вторую часть романа.

Теперь я вспоминаю эту историю о потерявших свои лица деревенских мужиках, которые снаряжают отряд, чтобы напасть на соседей, и думаю: ой.

Теперь сказки о золотой антилопе и товарище Дубове для меня – примеры того, что бывает, когда молодой автор не доверяет себе и боится собственной фантазии. Вырезая новеллы из романа, я полагал, что поступаю правильно, ведь они не соответствуют тону книги, думал я, и плохо сочетаются со всеми остальными – довольно наивными – сказками. Нина Ходжарова не стала бы писать подобного, ведь ее сказки – добрые. Теперь мне кажется, что я ошибся. И разумеется, когда мне сообщили, что «Центр тяжести» ждет пе-

реиздание, я тут же подумал: вот оно, я смогу вернуть эти мрачные хорроры в текст. Но тут же одернул себя – все же роман уже существует, и у него есть своя интонация, и добавлять в него чернушные новеллы о смерти и увечьях – значит полностью эту интонацию поменять. А значит, в измененном виде это будет уже совсем другая книга. Эту, другую, книгу я тоже когда-нибудь напишу – потом. А сейчас мне кажется, что было бы нечестно запихивать в роман то, что сам же забраковал пять лет назад. А еще это было бы иронично: за последние годы я так много писал о переписывании истории (роман «Риф» полностью посвящен этой идее), а теперь – что? – пытаюсь переписать собственную историю?

Но – ничто ведь не мешает мне пересказать эти новеллы тут, в предисловии, так я смогу сохранить их, сделать их частью романа, при этом не сломав ничего внутри.

И все же новое издание «Центра тяжести» отличается от первого – редактор Татьяна Королёва прошла по тексту и помогла сделать книгу лучше, тоньше. А еще убрала из романа кучу анахронизмов и фактических ошибок.

Теперь, глядя на «Центр тяжести» спустя пять лет после его завершения, спустя десяток исторических событий, последствия которых нам всем теперь придется разгребать, я думаю, что могу дать молодым авторам один совет: больше доверять интуиции и не бояться идей, которые кажутся вам безумными или чернушными. Мой опыт показывает, что в России именно безумные идеи имеют свойство воплощать-

ся в жизнь — как правило, только они, увь, и воплощаются.

Это напоминает мне, как забавно он описывал мистеру Лангтону несчастное состояние одного молодого джентльмена из хорошей семьи: «Сэр, когда я в последний раз слышал о нем, он носился по городу, упражняясь в стрельбе по котам». А затем мысли его вполне натуральным образом отвлеклись, и, вспомнив о своем любимом коте, он сказал: «Впрочем, Ходжа не пристрелят, нет-нет, Ходжа никогда не пристрелят».

**ДЖЕЙМС БОСУЭЛЛ. ЖИЗНЬ СЭМЮЭЛЯ
ДЖОНСОНА**

Петро

Я был сложным ребенком – я начал приносить родителям неприятности задолго до своего рождения. Когда моей будущей маме было двенадцать – а мне, стало быть, минус двенадцать, – беззубая цыганка на ярмарке сказала ей: «Твой первый сын будет уродом». Мама была молода и суеверна – она поверила в пророчество. Вернувшись домой, она заявила, что ни за что не родит на свет чудовище.

– Но как же так? – удивлялась ее мама, моя будущая бабушка. – Ты хочешь быть бездетной?

– Нет, – сказала моя мама. – Я сначала рожу второго ребенка, а потом резко перестану рожать.

Эта фраза стала семейным анекдотом, ее рассказывали всем гостям во время праздничных застолий.

Но шутки шутками, а мать моя никогда не давала пустых обещаний: зазор между словом и делом у нее тоньше лезвия бритвы.

Когда я родился, вся родня склонилась над моей колыбелью.

– Так-так, – сказал отец, – значит, получилось.

Мой отец – математик. Он не верил в мистику, беззубых цыганок и прочую абракадабру. Если бы ему сообщили, что он будет жить вечно, он тут же пустил бы себе пулю в лоб – просто чтоб доказать несостоятельность подобного заявле-

ния.

И все же — однажды он признался мне, что влюбился в мою маму задолго до того, как встретил ее.

— Мне рассказали, что на журфаке учится барышня, которая собирается рожать детей в обратном порядке. Я был покорен. Заочно.

История их знакомства — загадка. Они прекрасно помнят тот день — проблема в том, что они помнят его по-разному. Или, точнее, помнят разные дни.

Мама училась на последнем курсе журфака и проходила практику в коммунистической газете «Красный взгляд». Газета бестолковая и тоскливая, как полное собрание сочинений Ленина, — даже сотрудники редакции потешались над изданием и между собой называли его «Конъюнктивит» (символом «Красного взгляда» был огромный красный глаз). Обязанностей у мамы было немного, и все они сводились скорее к редактуре, чем к журналистике. Шел восемьдесят пятый год, 23 апреля, тот самый день — начало перестройки. И так уж вышло, что старший репортер газеты именно в тот день поскользнулся на льду и сломал обе руки («Постой-ка, а как он нашел лед весной? 23 апреля же» — «Не перебивай! Откуда я знаю? Мне сказали, что поскользнулся на льду». — «По-моему, это странно. Это имеет смысл,

только если он на катке был». – «Слушай, помолчи, а?»), и главный редактор вызвал маму к себе в кабинет. Ее задача, сказал он, сидя в огромном красном кресле под портретами-профилями Маркса-Энгельса-Ленина, взять интервью у молодого, но уже очень известного в узких кругах математика Павла Портного.

– Он будет ждать вас в библиотеке МГУ. Ровно в двенадцать.

Она опоздала на сорок пять минут («Типичная Нина». – «Ой, заткнись»).

И все же маме повезло – в тот день она нашла его. В столовой. Он сидел на подоконнике и, держа между коленей разрезанный напополам арбуз, огромной ложкой ковырял хрустящую красную сердцевину. Худой неухоженный очкарик.

«Явный перебор с бровями», – подметила она.

(«Неправда! Не было никакого арбуза! Я читал книгу! Сител на потококоннике и читал книгу! Откуда вообще взялась эта чепуха про арбуз?» – «Тьфу! То тебе лед не нравится, то арбуз!»)

В тот день моя мать встретила моего отца. Проблема в том, что он встретил ее гораздо раньше.

Они ходили в один и тот же бассейн, при университете. Он плавал на сто метров, она – на четыреста. Он не блистал успехами, да и вообще боялся воды, но все равно каждый вторник натягивал унизительные узкие плавки, надеясь, что когда-нибудь все же наберется смелости и пригласит красот-

ку в кино.

И вдруг она сама нашла его. Он ел арбуз («Не было арбуза! Не было! Я читал книгу!» – «Да? И какую же» – «"Обезьяну и сущность" Хаксли») и был так смущен, что боялся смотреть на нее. Но когда она рассказала, зачем пришла, он успокоился: числа делали его бесстрашным.

«Человек-калькулятор, – отзывались о нем коллеги. – Не мозг, а микросхема».

Моя мать приехала в Москву из далекой провинции – за признанием. Она хотела посвятить свою жизнь чему-то важному и, окончив школу, подала документы в МГУ на факультет журналистики, но за пять лет, тысячу двести сорок часов лекций, тысячу шестьсот сорок часов семинаров и сто два часа практики, поняла лишь одно – что ненавидит журналистику и журналистов. И все же эта страсть – служить великой цели – всегда жила в ней и искала выхода. Так Павел Портной, человек-калькулятор, стал ее проектом. У нее появилась цель: посвятить жизнь гению, как Алисия Нэш, Альма Хичкок или Мерседес Барча. Быть опорой для большого ума, о верности которой через много лет биографы будут с восхищением писать: «Это все благодаря ей!» Она уже видела, как в старости будет гулять по университетским аллеям и люди будут оборачиваться и шептаться: «Ой, это же

жена лауреата премии Филдса. Помните ту его трогательную речь? Это он о ней говорил».

Да, именно в таком ракурсе она видела их совместное будущее – и именно над ним собиралась работать. Но – время шло, и оказалось, что не так-то просто заставить гения быть гениальным. Отец так и не выбился в ряды больших ученых: у него не брали интервью (на самом деле то, самое первое, их совместное интервью стало последним), с его лица не делали слепки для производства бронзовых бюстов. Его пивной живот рос быстрее, чем репутация. А его легкий эстонский акцент – он плохо выговаривал букву «д»: ротина, терево, тверь – с годами все сильнее раздражал ее.

«Он одарен, да, но не талантлив. Это разные вещи. Его статьи в научных журналах так же скучны, как его рубашки и шутки. Да, он почти доказал гипотезу Римана. В этом весь он – одно сплошное "почти"», – жаловалась она подругам.

Со временем она стала испытывать к нему что-то вроде нетерпеливого раздражения – сродни тому, что чувствует капризный ребенок к машинке, у которой не крутятся колеса. А гипотеза Римана так и осталась недоказанной.

– Ну чего ты от меня хочешь? – спрашивал он, разводя руками (отчего становился похож на огородное пугало, думала она). – Я живу честно, я телаю свое тело. Чем я провинился?

– Ну коне-е-ечно! Ты ни в чем не виноват! Это я, это все я! Чего я хочу? Я хочу большего, понял? Сделай одолжение – убери ноль из знаменателя. Такой ум – а дураку достался.

Большой ум должен ослеплять, а не тускло поблескивать в ночи, как бутылочное горлышко в свете луны. Так думала моя мать. И в их любовном треугольнике – он, она и ее амбиции – он оказался третьим лишним.

Красавица и калькулятор.

И каждый вечер, стоя на балконе, завернувшись в плед, докуривая сигарету, бросая бычок в темноту, она говорила себе: «Сама виновата».

Мое рождение немного изменило схему их отношений. Мать перестала злиться на отца – и раздражение сменилось равнодушием. Женой гения она так и не стала и теперь хотела быть матерью гения. Амбиции ее всегда опережали время – и логику. Уже в четыре года меня отдали в музыкальную школу – по классу фортепиано.

«Ты будешь новым Шопеном», – шептала она, укладывая меня спать.

Но через два года клавишных пыток выяснилось, что особых музыкальных данных у меня нет и все, на что я способен, – это читать партитуры, запоминать последовательность нот, но не играть их.

Тогда мама отвела меня в секцию плавания. «Ты будешь олимпийским чемпионом». На третий день я чуть не утонул в бассейне.

К десяти годам я числился во всех возможных школах, кружках и секциях – включая кружок оригами и школу дрессировщиков перуанских альпак при цирковом училище². И везде я был не к месту – как римский сестерций в горсти советских рублей.

Мама отчаянно искала во мне зерно величия – и при этом очень боялась, что я буду похож на отца. А я – уже в одиннадцать лет я мог по памяти воспроизвести число пи до пятисотого знака после запятой, ни разу не запнувшись. Отец знал об этом и, конечно, мной гордился, но мы скрывали мой талант от мамы – к тому времени математика в ее глазах была сродни неизлечимой хвори. Она потерпела фиаско с отцом и очень боялась, что я повторю его судьбу. А я – при ней я делал вид, что ни черта не понимаю в цифрах. И получалось, что я вру сразу им обоим: маме – о том, что не похож на отца, а отцу – о том, что хочу быть похожим на него.

Они всегда ругались, если речь заходила о моем будущем. – Может, лучше спросим у него, чего он хочет? – сказал однажды отец, когда я вернулся с кружка авиамоделирования, облепленный пластиковыми деталями самолета «Ил-2, штурмовик». Мама выковыривала куски фюзеляжа у меня

---

² Ладно, шучу, не было такой школы; но если бы была, меня бы и туда записали.

из волос, а отец обрабатывал растворителем пальцы, к которым были намертво приклеены бомбы и закрылки.

– Он ребенок! – сказала мама. – Он не знает, чего хочет. – Она выдернула кусок «Ил-2, штурмовика» вместе с клоком волос.

– Ай! Бо-о-ольно! – закричал я.

– Терпи, – сказала она. – Как ты вообще умудрился? Ей-богу, не ребенок, а беда какая-то! Ну скажи мне, как можно было приклеить к ушам куски пластмассы?

– Это не я! Это ребята! Они спросили, хочу ли я быть супергероем. Я сказал «да». А они сказали, что я теперь – человек-самолет.

Мама не оценила шутку.

– И все-таки, может, не стоит отправлять его на все возможные секции от-тновременно? – не унимался отец.

Он отдираал закрылки от моих пальцев и бросал их в эмалированную кастрюлю с теплой водой, стоявшую рядом.

– Ребенок должен всесторонне развиваться, – сказала мама. – Ты у нас умник, но почему-то ничего никогда не знаешь. Прочитай любую книгу по детской психологии. Детский мозг как губка: он впитывает информацию в семь – слышишь, в семь! – раз интенсивнее, чем мозг взрослого дурака.

– И что с того? – спросил отец. – Это вовсе не значит, что он т-толжен пахать за семерых. Ты веть помнишь себя в детстве, ты наверняка уже знала в тесять лет, что тебе нравится, а что нет.

– Да ничего я не знала ни в «тетстве», ни в «тесять лет»! – Мама всегда издевалась над его произношением, когда они спорили.

Она выдернула у меня из волос еще одну деталь «Ил-2, штурмовика».

– Ай! Бо-о-ольно!

– Терпи. Это что такое? – Она показала мне деталь.

– Это ротор, – сказал я. – На него крепится винт.

– Вот видишь! – сказала мама отцу. – Даже если ему не нравится то, что он делает, возможно, эта информация пригодится ему в будущем. Человек должен быть всесторонне развит. А ты знаешь, что такое ротор? Вот и я думаю, что нет.

Я хотел почесать затылок, но отец схватил меня за руку.

– Кута? У тебя руки в ацетоне.

– Но у меня чешется.

– Чешется у него! Где чешется?

– В затылке.

Мать с отцом стали вместе чесать мне затылок: мама левое полушарие, папа – правое. Мама чесала нежнее.

– Скажи: тебе нравится секция авиамот-тэллирования? – спросил отец.

– Ну, вообще-то... – начал было я, но мама меня перебила:

– Перестань портить ребенка!

– «Портить»? С чего это? Я просто хочу узнать больше

о его претпочтениях. Разве тать ребенку то, что он хочет, – это не самое лучшее воспитание?

– Брось! Ты прекрасно знаешь, что воспитание состоит из ограничений. – Мама презрительно посмотрела на него. – Дешевый трюк!

– Какой трюк? Нет никакого трюка!

– Ты пытаешься выставить меня ответственной за все тяготы обучения, а сам эдак исподтишка даешь ему мнимую свободу. Это популизм.

Они стали ругаться, продолжая чесать мой затылок.

– «Популизм»? Нет никакого популизма!

– Перестань делать это!

– Телать что?

– Ты все время повторяешь последнее мое слово.

– Слово?

– Ну вот опять!

– Опять?

Отец улыбался – ему нравилось злить ее.

– Мам, пап! Мне больно! – подал голос я, и они перестали чесать мой затылок.

– Ты предлагаешь дать ребенку свободу, – сказала мама. – Но он же ребенок. Если детям дать свободу, они через час заболеют, объевшись мороженым. А через сутки превратятся в чумазых мартышек.

– Может быть, в этом твоя проблема? – сказал отец. – У тебя комплекс Атланта: тебе кажется, что небо рухнет, если ты

не бутешь его тержать. Просто ослабь хватку. Совсем чуть-чуть. Перестань тержать небо.

Повисла тишина. Мои родители смотрели друг на друга, я смотрел на них снизу вверх, сидя на табуретке, все еще облепленный деталями «Ил-2, штурмовика».

– Ты – прямо типичный Козерог, – сказала мама презрительно.

Отец закатил глаза: «О госпот-ти! Опять».

– Ну конечно, – вздохнул он, – звезды виноваты.

– Можешь сколько угодно издеваться над астрологией, но все твоё поведение сейчас доказывает, что я права. Ты – упертый, упрямый скептик, как и все Козероги.

– То есть, по-твоему, я не верю в астрологию потому, что я Козерог?

Мама хотела ответить ему, но не нашлась и повернулась ко мне:

– Петро, сынок, скажи: может быть, ты хочешь записаться в какую-то конкретную секцию?

– Или уйти из какой-нибудь, – добавил отец.

Я испуганно смотрел на них снизу вверх. Это был первый раз в моей жизни, когда родители спросили мое мнение. По спине, вдоль позвоночника, гадко щекоча, прокатилась холодная капля пота. Я видел глаза отца – я знал: он ждет от меня поддержки его математической линии. Но я не мог – ведь я хотел совсем другого.

– Я хочу быть антропологом, – сказал я.

– Чего-о? – Они переглянулись.

– Простите, – пробормотал я, глядя на свои ладони, облепленные бомбами и закрылками «Ил-2, штурмовика». – Я много думал: я всегда мечтал путешествовать и изучать странные вещи. Я люблю странные вещи. А недавно я узнал, что существует такая профессия – антрополог. И я решил, что буду антропологом.

Родители молча смотрели на меня. Прошло примерно двести семьдесят пять лет, прежде чем они оттаяли и снова заговорили.

Отец виновато чесал затылок – на этот раз свой.

– Тела-а-а, – сказал он.

– Мам, пап! – Я видел, что они не воспринимают меня всерьез, и мне хотелось плакать от обиды. – Я уже даже прочитал одну книгу по антропологии: там человек три месяца жил среди дикарей. Я тоже так хочу. Я хочу в Монголию.

– Почему в Монголию?

Я пожал плечами:

– Потому что там есть дикари.

– Ох-х... – Мама погладила меня по голове. – Поверь, сынок, дикари есть везде. И чаще всего даже там, где ты совсем не ожидаешь их встретить.

Все эти разговоры угнетали меня – я жил с ощущени-

ем, что не справляюсь с тяжестью родительских надежд. Но я был хилым ребенком – и надежды давили все сильнее: и чем бы я ни занимался – я был ниже среднего; как тройка в школьном дневнике: всего лишь «удовлетворительно» и оттого постыдно.

«Завышенные ожидания родителей – одна из главных причин детских комплексов» – это я вычитал в книжке по воспитанию детей. У мамы их полно. И книжек, и ожиданий. Она сама – дочь талантливой пианистки и потомственного военного – выросла под высоким давлением родительских упований. От нее всегда чего-то ждали – успехов, достижений, медалей. И вот, казалось бы, наполненное неврозами детство должно было как-то скорректировать ее отношение к собственным детям – но не тут-то было. Довольно сложно вырасти уверенным в себе человеком, если твои родители постоянно говорят тебе: «Ты не дотягиваешь». А если и не говорят, то ведут себя так, что все понятно без слов.

А между тем мама была очень талантлива. Честное слово, я не преувеличиваю и не пытаюсь приукрасить прошлое. У нее был дар – она сочиняла сказки. Выдумывала их буквально на ходу, когда укладывала меня спать вечерами.

Однажды я пришел домой из школы, и, помогая мне раздеться, мама нашла в моем кармане камень.

– Это еще что такое?

Я рассказал, что видел по телевизору, как ураган вырывает дерево из земли и уносит прочь. И это так меня напу-

гало, что теперь, выходя на улицу, я набивал карманы камнями – мне казалось, что если меня настигнет ураган, то тяжесть камней не позволит ему оторвать меня от земли. Мама внимательно слушала историю. Она не смеялась надо мной и не называла меня дурачком – нет, она всерьез задумалась над моими словами. И уже вечером, вдохновленная моей историей, она написала сказку.

ГРАФТ И СЕРДЦЕ

Графт был необычным мальчиком – он родился без сердца. В прямом смысле. Под ребрами с левой стороны у него было пусто. А в остальном он был такой же, как все, – любил футбол, конфеты и маму. Он никогда не дрался, не грустил и не дергал за косички одноклассниц – он был сам по себе. Как большой палец на руке.

И только одно беспокоило его родителей: Графт был такой легкий, что при ветреной погоде ему приходилось носить в кармане тяжелый камень, иначе ветер уносил его слишком далеко от дома.

Мать водила его по врачам, но никто из них так и не смог объяснить, почему ребенок весит не больше сухого листа и как это связано с отсутствием сердца.

Вот так и проходил Графт всю свою юность с пустой грудной клеткой и камнем в кармане. Окончил школу, институт, и пришло время искать работу. Все люди работают – а почему, зачем? Никто не знает. Графта учили, что человек должен приносить пользу, поэтому и работу он искал особенную: такую, где он мог бы быть полезен.

Он решил стать врачом и пошел в больницу.

Приходит и говорит:

– Я хочу быть врачом. Дайте мне больных, я буду их лечить. – И кулаком по столу стучит. – Где больные? Я пришел

их лечить. Почему мне не дают больных?

— А почему вы хотите лечить людей? — спросили у него люди в белых халатах.

— Я умный! — ответил Графт и опять стукнул кулаком по столу. Он любил стучать кулаком по столу — ему нравились громкие звуки. — Я знаю о внутренних органах все. Я окончил институт — вот красный диплом. Еще у меня есть зеленый и синий. У меня много дипломов, потому что я умный, а вы — нет. Ха-ха-ха! — засмеялся Графт. У него было необычное чувство юмора.

— А справка о здоровье у вас имеется? — спросили люди в белых халатах. — Чтобы лечить больных, надо самому быть здоровым!

— Конечно, есть! Вот!

— Но постойте! — сказали люди в белых халатах. — Тут написано, что у вас нет сердца.

— Ну и что? Зато у меня есть руки. Разве больных лечат не руками? — Графт показал им свои огромные руки, пошевелил пальцами.

— Извините, — сказали люди в белых халатах. — К сожалению, мы не принимаем на работу людей без сердца.

— А что же мне делать тогда? — спросил Графт.

— Ну, вы можете стать политиком. Или военным. Или адвокатом.

— Но я хочу приносить пользу! — сказал Графт. — Я много учился, я много знаю!

– Для того чтобы приносить пользу – знать недостаточно, – сказали люди в белых халатах.

И Графт ушел. Он совсем не расстроился – у него ведь не было сердца. И даже в детстве, когда он читал книги, например «Дон Кихота», ему было скучно: он не понимал, почему люди страдают, встречая несправедливость.

Графт переходил дорогу, когда его окликнул человек: «Эй, парниша! Я слышал, тебе нужно сердце?»

Графт обернулся. Перед ним стоял некто в коричневом плаще – руки он держал в карманах, а высокий воротник был поднят; Графт не видел лица, и ему казалось, что это сам коричневый плащ с ним разговаривает.

– Что вы сказали?

– Я могу продать тебе сердце. Ты ведь хочешь приносить пользу?

Графт кивнул.

Коричневый Плащ повел его по узким, темным переулкам, они зашли в какой-то подвал, где одинокая лампочка освещала стол, стоящий посреди пустой комнаты. Порывшись под столом, Коричневый Плащ достал картонную коробку и открыл ее. Графт заглянул туда – и увидел десятки сердец. Синевато-красные, овальные – они выглядели точь-в-точь как на картинках в учебнике биологии. Только живые, настоящие. И все они бились, пульсировали – одни быстро и громко, другие медленно и спокойно.

– Это отдам за полцены, – сказал Коричневый Плащ, ука-

зав на маленькое чахлое сердце с дырочкой в боку.

Дырочка была заклеена пластырем, но пластырь держался плохо. Сердце билось – и дырочка свистела, приподнимая пластырь.

Графт взял одно сердце – и оно засветилось у него в руках, как лампочка.

– А чего это оно? – спросил Графт.

– Чувствует тепло человеческих рук, – сказал Коричневый Плащ. – Они всегда так. Люди часто покупают их как светильники. Это очень выгодно – гораздо выгоднее даже, чем энергосберегающие лампы. Сердцу ведь не нужно электричество – достаточно сказать несколько ласковых слов, и оно начинает светиться. Глупый орган.

– Да. Глупый, – согласился Графт. – А сколько стоит?

– Это зависит от сердца. Вот это – тысячу, а вот это – сто.

– А почему так дешево?

– Оно бракованное. Видишь, треснуло.

– А чего оно треснуло?

– Не знаю. Уронили, наверно. Или от холода. Но ты не бойся, треснутое сердце даже лучше. Оно светит, конечно, не так ярко, зато чувствует больше и сильнее. Ты ведь хочешь приносить пользу – тебе пригодится. Парадокс, но поврежденные сердца приносят гораздо больше пользы. К тому же у меня сегодня акция: если ты купишь это треснутое сердце, в подарок ты получишь красный клоунский нос и оленьи рога.

– Зачем мне оленьи рога?

– Как это зачем? А вдруг на тебя нападет олень! Что ты будешь делать без рогов?

Графт покачал головой.

– Я не думаю, что на меня нападет олень, – сказал он.

– Ты смотри, какой самоуверенный! – цокнул языком Коричневый Плащ. – Ну, если не хочешь рога, тогда возьми вот эту кожаную перчатку.

– Одну? А где вторая?

Коричневый Плащ разозлился:

– Слушай, чего ты придираешься! Не будь занудой! Ну хорошая же перчатка – смотри!

– Да я вижу, что хорошая. Но ведь она одна, а рук у меня две. – Графт выставил перед собой свои огромные руки, пошевелил пальцами.

– Да-а-а, это проблема, – задумчиво сказал Коричневый Плащ. – Но ты не злись. Я просто продолжаю дело своего отца. Мой папа всегда терял вещи: носки, ботинки, перчатки. И его это ужасно злило, потому что терялись у него всегда парные вещи. И однажды в голову ему пришла гениальная идея: он открыл магазин, в котором стал торговать вещами без пары: одна перчатка, один ботинок, один носок. Идея была проста – ведь люди постоянно что-то теряют, правильно? Особенно носки! Ну вот, представь: потерял ты один носок, и один у тебя остался. Что делает в таком случае обычный человек? Просто выбрасывает второй! Но ведь это – ужасное

расточительство! Выбрасывать вещи! Замысел моего папы был прост: любой человек, потерявший одну из парных вещей, мог просто прийти в его магазин и найти новую пару! Гениально, правда?

– Да, наверно, – с сомнением сказал Графт.

– Вот поэтому я и хочу продолжить его дело. А пока торгую сердцами – коплю стартовый капитал. Уже через год я собираюсь открыть магазин потерянных пар.

– Удачи тебе. Но мне сейчас не нужна перчатка – я куплю вот это сердце.

– Отличный выбор! Хочешь, я заверну его в подарочную бумагу? – спросил Коричневый Плащ.

– Нет, не надо. Оно маленькое – я просто положу его в карман.

– Ну что ж, спасибо за покупку. Не забудь чек, гарантия две недели. Если передумаешь насчет перчатки – ты знаешь, где меня найти. И не жалуйся, если на тебя вдруг нападет олень! Сам виноват – надо было брать рога!

Графт шел по улице, и вокруг не было ни одного оленя.

Сердце тихо билось у него в кармане. Оно было мягкое и горячее, Графту нравилось прикасаться к нему. Раньше он никогда не видел настоящих сердец – и теперь очень удивился, когда заметил, что карман его светится ярко-ярко, дрожащим светом. Как будто там горит костер.

Графт пришел домой, положил сердце на стол и долго смотрел на него. И как-то радостно было у него внутри. «На-

до же, — думал он, — теперь у меня есть собственное сердце. Это очень приятно. А почему — непонятно. Без всякой причины».

Он подошел к плите, взял чайник и хотел налить воды — и вдруг услышал тихий шлепок. Он обернулся — сердце упало со стола и покатилося к двери.

— Стой!

Графт догнал его и подхватил. Сердце вспыхнуло — и на мгновение ослепило его. И пока из глаз его сыпались искры, он увидел лицо девушки. Сердце принадлежало ей — и теперь стремилось обратно.

— Но ты мое! Я ведь тебя купил, — сказал Графт.

Сердце снова вспыхнуло, и он почувствовал, как внутри у него все заболело — как будто птица била крыльями у него под ребрами, в пустоте.

Сердце снова выпало у него из рук и, как клубок ниток из сказки, покатилося к двери. Графт открыл дверь — и сердце выкатилось наружу. Оно катилось медленно — и светилось все сильнее. Графт шел за ним и иногда нес его на руках, переносил через лужи и помогал переходить дорогу. Люди оглядывались удивленно.

— Вот чудак! — восклицали прохожие. — Сердце выгуливает! Все же знают, что сердце надо держать под замком или на поводке, чтоб никто не украл и не разбил. Одни проблемы от него. Глупый орган, — говорили они и шли дальше.

А Графт шел за сердцем. Оно привело его в парк, где

на скамейке у озера сидела девушка с длинными волосами. Волосы были такие длинные, что путались вокруг скамейки и лежали на дороге. Прохожие осторожно переступали через волосы и ругались:

– Ишь, разбросала свои косы! Причесалась бы хоть, шельма!

Девушка не слушала их, она кормила стаю воробьев хлебными крошками. Сердце подкатилось к ней и остановилось. Девушка испуганно посмотрела на него, потом – на Графта. Графт поднял сердце, отряхнул от пыли, снял несколько сигаретных бычков, прилипших по пути, и протянул сердце девушке.

– Кажется, оно ваше, – сказал он.

Девушка посмотрела на сердце – и пожала плечами.

– Больше нет. Я подарила его.

– Как? Кому?

Графт стоял, не двигаясь, окруженный воробьями. Воробьи сидели на его ботинках, на руках, на плечах, на голове – и даже на носу и на ушах. И каждый воробей смотрел на сердце.

– Я подарила его одному человеку, – сказала девушка. – А он поменял его на ботинки. Синие, замшевые, с белыми шнурками.

– А что было дальше? – спросил Графт, и воробьи взлетели с его рук, носа и ушей, покружились над ним и расселись на ветках акации.

– Ничего, – сказала девушка. – Он до сих пор ходит в этих ботинках.

Графт сел рядом с девушкой и положил сердце ей на колени.

– Где вы его нашли? – спросила она.

– Купил.

– А зачем оно вам?

– А у меня нет сердца. Я родился без него. Хотел вот, так сказать, восполнить пробел. Но раз уж оно ваше, то...

– Но я не могу забрать его у вас.

– Почему?

– Оно слишком тяжелое. Сердце – центр тяжести человека. Вся тяжесть в нем скапливается, а я не хочу так. Я не смогу его нести – мне тяжело, я надорвусь.

Графт долго смотрел на девушку – ему хотелось прикоснуться к ней.

– Хочешь, я помогу тебе нести его? – спросил он.

Так они и сделали. И жили долго и счастливо – с одним сердцем на двоих. А Графт с тех пор вместо камня носил в кармане только конфеты. Он больше не боялся ветра.

– А почему его зовут Графт?

– Это твое первое слово. Первое, что ты сказал в жизни, – засмеялась мама. – Вот я и подумала: неплохое имя для ска-

зочного персонажа. У кого-то первое слово «мама», а у тебя – «графт». Ты как будто рычал или лаял.

Окончив рассказ, мама целовала меня в лоб, выключала ночник и уходила. А я лежал в кровати, таращился в потолок и думал: о Графте, и его бессердечии, и о камне в его кармане, и о Коричневом Плаще, и его странных затеях, и, конечно, о девушке, которая подарила свое сердце незнакомцу. И я мечтал, чтобы какая-нибудь девушка с длинными волосами подарила свое сердце мне. Я бы никогда и ни за что не променял ее сердце на синие замшевые ботинки с белыми шнурками. Я берег бы его, сдувал бы с него пылинки – и каждый вечер, сидя в кресле, читал бы (или писал) книгу при свете этого сердца.

Если мама в своих историях делала упор на воображение и развитие души героя – ее притчи учили добру и храбрости, – то рассказы отца были другими, под стать его характеру, они напоминали краткие эссе о природе вещей. Когда приходила его очередь провести со мной вечер, он садился не на край кровати, как мама, а на стул, оглядывал комнату, выбирал какой-нибудь незначительный предмет – например, карандаш, канцелярскую скрепку или, как было однажды, стену – и начинал:

– Сегодня мы поговорим о стенах. Что мы знаем о них?

Я пожимал плечами.

– Ну, во-первых, они отлично играют в теннис – и всегда выигрывают, – говорил отец, стараясь сохранять серьезность. – Во-вторых, стены – скучные собеседники. Мой тебе совет, сын: никогда не разговаривай со стенами – это пустая трата времени. Парадокс: в народе стена не считается таким уж революционным изобретением; во всяком случае, в рейтинге полезности она уступает колесу и математике. Но, по моему, это несправедливо: вот мир без математики я легко могу себе представить – для этого нужно всего лишь сходить на рынок; а давай представим себе мир, где нет стен. Куда ты теперь будешь клеить обои – на деревья? А рамки с фотографиями? Мир без стен превратится в хаос: ведь если их нет, то окна будут просто глупо висеть в воздухе, а двери вообще потеряют смысл.

Он делал паузу, подмигивал мне.

– Ладно, шутки в сторону. На самом деле стены могут рассказать гораздо больше, чем ты думаешь. Заурядны не стены – заурядны те, кто считает их таковыми. Нужно лишь научиться понимать их язык – язык жестов своего рода. Не веришь?

Я качал головой.

– Навскидку вот тебе две стены – Великая Китайская и Берлинская. Первая – воплощение Востока, вторая – Запада. Первая – символ единения, вторая – раскола. Первая стоит уже десятки веков, вторая рухнула, едва отпраздно-

вав двадцать седьмой день рождения. Возведение обеих было своего рода жестом.

Странно: в западной культуре слово «стена» имеет негативный оттенок («разговаривать со стеной», «сидеть в четырех стенах»). Восток же видит все иначе: для них стена – не столько символ герметичности, сколько – самобытности. В японских домах стены бумажные – чтобы подчеркнуть тонкость ощущений, возможно. И, я думаю, нам стоит у них поучиться.

Стены умеют говорить – и чем старше стена, тем громче ее голос. Стена со следами пуль в кирпичной кладке гораздо красноречивей, чем газетная статья о расстреле. Стена Плача прочнее, чем стены военного бункера, – потому что у нее есть голос, и ее цель – не защитить, а дать надежду. Стены бункера защитят тебя, но надежды ты от них не дождешься. Мой рассказ кажется тебе чересчур помпезным? Что ж, виновен – люблю передразнивать Гюго.

Вот пара интересных фактов: в некоторых арабских странах в качестве скрепляющего раствора для стен использовали мед; а Стена Плача вообще возведена без скрепляющего раствора. Ты все еще считаешь стены скучными?

Мои родители отличались друг от друга так же, как их истории. Они как будто жили в разных мирах; или все же в од-

ном – но по разные его стороны: как Западный и Восточный Берлин. И даже я не стал для них скрепляющим раствором.

А потом все стало еще сложнее – мне сказали, что у меня «будет братик».

– Братик? – Я удивленно смотрел на маму. – Но мне не нужен братик. Я хочу видеокамеру.

– О гс-с-споди, Петро! Ты сам себя слышишь? – Мать гладила себя по животу. – Нельзя так говорить.

Братик, Егор, родился, когда мне было шесть. Мама к тому моменту уже забыла о предсказании гадалки и о своем обещании «родить сначала второго ребенка, а потом резко перестать рожать».

И в жизни моей стало на одну проблему больше.

«Странное дело, – думал я, глядя на мамин растущий живот, – он еще даже дышать самостоятельно не может, но уже умудрился испортить мне жизнь».

Детство – это метаморфозы; каждый ребенок – немного Овидий; он пишет собственную историю перевоплощений. Это взрослые «ищут себя» (что бы это ни значило), но дети – другие, они ищут новые формы себя. Оно всегда так: мне бы вершить судьбы мира, а тут – домашка по алгебре. Сложно достать луну, если ты даже пакет молока с верхней полки холодильника не можешь достать без табуретки. И я –

я был настолько одержим далекими мирами, мечтами о другой, удивительной жизни, что даже в школе стал врать всем о своем происхождении.

Мне было тринадцать, когда наша семья переехала в поселок Рассвет в Ростовской области (поближе к маминым старым родителям и новой отцовой работе), и шестой класс я оканчивал уже в совершенно другой школе. Каждый новичок знает это унижительное чувство – когда учитель выводит тебя к доске и заставляет рассказать немного о себе. И – клянусь вам: когда я стану президентом, я первым делом наложу мораторий на подобные пытки. У меня будет два моратория: на баранки и на вызов к доске.

Почему на баранки? Не спрашивайте, это слишком личное.

И вот: я стою перед одноклассниками – во всей красе. Точнее, во всей нелепости: ведь мама, по случаю первого дня в новой школе, нарядила меня в костюм с лиловым галстуком. Спасибо, мама. Низкий поклон тебе, тройной книксен. Даже если бы у меня на шее висел мертвый пудель, я бы вряд ли так сильно бросался в глаза. Ах да: мои волосы – они намочены и зачесаны набок с ровным пробором – мое сходство с Гитлером настолько вопиюще, что я уже мысленно планирую захват Польши³.

– Класс, знакомьтесь, это наш новый ученик, Петр. У него очень интересная фамилия: Портной, – говорит Нина Пет-

---

³ Красть шутки у Вуди Аллена нехорошо. – *Примечание Егора.*

ровна, учительница географии. – Сейчас Петя расскажет нам немного о себе. – Она смотрит на меня и кивает.

Я выдаю скороговоркой:

– Рост: метр семьдесят шесть. Размер ноги: тридцать семь. Любимый цвет: красный. Можно я пойду?

– Петя, постой, куда ты?

Нина Петровна изумленно замирает у доски. Класс хихикает – и это хорошо: я чувствую, как атмосфера медленно оттаивает. Мне страшно смотреть на одноклассников, и я изучаю кактус на подоконнике. Кактус выглядит вялым и уставшим, и я его понимаю.

Нина Петровна прочищает горло, все замолкают.

– Петя, – говорит учительница, – я имела в виду твою жизнь. Откуда ты, кто твои родители. Вот кем, например, работает твой папа?

Я бросил на нее полный отчаяния взгляд. Ну почему – во имя всех слепых котят, во имя Александра Сергеевича Пушкина, во имя озоновых дыр, почему?! – ты задала мне именно этот вопрос? Ты, странная женщина в черно-бело-полосатом пиджаке, из-за которого тебя всю жизнь будут называть Пианиной Петровной.

Я вспомнил насмешки одноклассников из прошлой школы: «А знаете, как родился Портной? Его папа возвел его маму в квадрат, а потом извлек из нее корень, ха-ха-ха!»

Передо мной сидели дети, способные превратить в Дантов ад следующие шесть лет моей жизни (по полтора круга

на каждый год), и некоторые из них, пожалуй, именно это и собирались сделать. Я просто не мог – не мог, понимаете? – сказать правду.

– *Мой папа – антрополог.*

Я соврал – это вышло спонтанно.

Класс зашуршал – дети слышали это слово впервые и теперь были заинтригованы. Я буквально видел, как шевелятся их любопытные уши, как глаза их наполняются интересом к моей скромной персоне. Это было... приятно.

– Пардон-н-н? – спросила Пианина Петровна. Она всегда растягивала букву «н» в слове «пардон», если ее что-то удивляло. – Ты, верно, что-то напутал. – Посмотрела в журнал, провела длинным розовым ногтем по одной из строчек. – У меня написано, что твой папа – преподаватель высшей математики.

– Это ошибка, – сказал я, сглотнув. – Он антрополог, он изучает монгольских дикарей.

Так началась моя «Монголиада», короткая и бесславная.

Пианина Петровна осторожно присела на край стула. Класс зашептался. А я мысленным веником смел под мысленный ковер последние крохи стыда – и стал рассказывать трагическую историю своей вымышленной жизни: о том, что мой отец женился на моей дикарке-матери лишь из любви к науке и провел с ней всего одну ночь; и что я – результат этой ночи; и что родился я в монгольской пустыне; и что раскаленный пустынный песок оставил на моем теле – и на ду-

ше, конечно, тоже, куда ж без этого? – незаживающие шрамы...

– Закежь шрамы! – раздался возглас с задней парты.

Я выпростал рубашку из брюк, задрал ее насколько возможно и повернулся спиной к классу. Пианина Петровна кинулась ко мне и потянула рубашку вниз, издавая невнятные звуки расстроенного пианино (как если бы кошка гуляла по клавишам). Но было поздно – все одноклассники увидели мои ожоги, и по классу, как по стадиону, прокатился одобрителный гул.

– Птр Пртнй! Нмедленно престань хлиганить!

Естественно, шрамы мои не имели никакого отношения к раскаленному песку пустыни Шамо. Эти ожоги я получил в три года, когда пытался помочь бабушке донести до ванной кастрюлю с кипятком (мой вам совет: опасайтесь бабушек. Любой предмет в их руках может стать оружием).

В тот день я впервые в жизни понял, что это значит – завоевать аудиторию.

После уроков учительница, разумеется, позвонила родителям, и дома меня ждала взбучка. Мама дрожащим голосом говорила что-то о лжи и ответственности, а я стоял в дверном проеме, опустив голову, в знакомой позе осужденного, и разглядывал дырку в носке (вот, кстати, еще вопрос: поче-

му пальцы на ноге называются так же, как и на руке? Зачем мне на ноге «указательный палец»? Я ведь ни разу в жизни им не указывал! Нелогично как-то). Отец сидел за столом на кухне и ножом намазывал масло на хлеб, сосредоточенно, с видом реставратора, наносящего лак на фреску.

Мама повернулась к нему:

– А ты ничего не хочешь сказать?

– А? – Он отвлекся от бутерброда. – Сказать о чем?

– Твой сын сегодня придумал себе новых родителей.

– Слушай, ты сама готами утюжила его всеми этими своими «техниками развития воображения». – Он отложил бутерброд и изобразил кавычки пальцами, потом показал на меня: – Вот, пожинай плоды, у него отличное, первоклассное воображение.

– Ну знаешь, есть разница между воображением и ложью.

Отец вернулся к бутерброду:

– Это уже из области этики, а в ней я не силен. Я математик, помнишь?

Не поймите меня неправильно – я не против математики. Очень даже за. Между прочим, я и сам чертовски умен. И не надо ухмыляться, я серьезно. Вся штука в том, что быть умным и быть интересным – не одно и то же. Если ты можешь по памяти воспроизвести число пи до пятисотого знака по-

сле запятой – ты умен; и все бы ничего, но число пи не поможет тебе завести друзей. Поверьте, я проверял.

Я очень быстро понял, что совершил ошибку – нарушил главное правило новичка в сельской школе: «Не отсвечивай».

Я сочинил «Монголиаду», потому что хотел понравиться новым одноклассникам, впечатлить их, но оказалось, что улучшенная, более экзотическая версия моего прошлого вообще не сделала меня популярным, – как раз наоборот: я стал изгоем.

Все началось с целого вороха кличек: Монгол, Бархан, Верблюдоб, Горбатый, Порнокопытный, Саксаул. Придумывать клички мальчишкам быстро надоело, и вскоре от слов они перешли к делам: например, однажды на физкультуре я оставил сменку в раздевалке и, когда вернулся, обнаружил, что мои ботинки под завязку набиты песком.

Главным зачинщиком и дирижером всех издевательств в нашем классе был Тимур Головня, мальчишка, чья фамилия, похожая на кличку уголовника, словно бы предопределила его будущее. Неправильный прикус придавал его и без того озлобленному лицу какое-то совсем свирепое, бульдожье выражение. Он был самым старшим, самым высоким и самым тупым в классе – даже свою фамилию писал с ошиб-

ками. И только две вещи он умел делать хорошо – играть в футбол и унижать слабых.

Опознать изгоя легко: единственное свободное место в классе – рядом с ним. Так вот, первые две недели зимней четверти я просидел за партой в одиночестве (увы, совсем не в гордом), но в конце января все изменилось – в классе появился еще один ученик. Он не был новичком, просто пропустил учебу из-за болезни.

Его звали Александр Грек. Тщедушный, низкорослый и лохматый, внешне – типичный мальчик для битья, с вечным насморком и криво подстриженной челкой, падающей прямо на глаза (явный признак крайней нищеты родителей, в деревне таких видно издалека; кривая прическа всегда означает, что ребенка стригут дома, обычными, самыми дешевыми ножницами, потому что на парикмахера денег нет и не будет). Он плюхнулся рядом со мной, но лишь потому, что других свободных мест в классе не было.

Мы оба не особо стремились к знакомству, поэтому первое время делали вид, что не замечаем друг друга, хотя он, очевидно, старательно изучал меня, а я – его.

Первое, что я заметил (и после этого сразу зауважал его): он не смеялся над тупыми шутками «крутых» пацанов.

Знаете, в каждом классе есть парочка таких комиков, альфа-самцов, которые любую, даже самую безобидную реплику учителя стараются переделать в шутку, выкрикнуть что-то с места. Их цель – заставить класс смеяться. Самое про-

тивное в том, что шутки у них, как правило, несмешные, и остальные дети реагируют вовсе не на юмор, а на репутацию. Если хохочешь над шутками альфа-самца, это снижает вероятность встречи с его кулаками.

У всех учителей в школе были клички. Учителя литературы звали Федя ФМ, манерой речи он действительно напоминал радиоведущего: он приносил на уроки свой двухкассетный магнитофон «Панасоник» и включал его прямо посреди урока, рассказы о писателях перемежались музыкальными паузами и фрагментами из известных радиопьес.

В конце апреля на одном из уроков, когда мы проходили «Евгения Онегина», он воскликнул:

– Пушкин – это пир духа!

Один из «крутых» пацанов поднял руку.

– Да, Михаил, что ты хотел?

– Вы сказали «пирдуха»?

Учитель кивнул, он был так увлечен поэзией Александра Сергеевича, что не заметил подвоха.

– Пирдуха? – повторил пацан, удалив пробел между двумя словами. По классу волной пробежались сдавленные смешки. – Зачем вы обзываете Пушкина «пирдухой»? Что он вам сделал?

Пацаны прямо давились от смеха, девчонки тихо хихикали, зажимая рты ладонями. Но я сидел смирно и всеми силами душил в себе эти подбострастные хиханьки; нет, ну правда: эта шутка такая старая, что ее бородой можно пару

раз окольцевать экватор. Я посмотрел на соседа по парте, он тоже не смеялся и точно так же, как я, всем своим видом демонстрировал презрение к тупым шуткам. «Эй, может быть, он не так уж и плох. У него есть гордость», – подумал я.

Как выяснилось позже, он в тот момент то же самое подумал обо мне.

На следующий день, когда раздался звонок на большую перемену, он протянул мне записку: «Рюкзак возьми с собой, иначе они тебе туда песка насыпят».

В этой записке меня удивили две вещи: отсутствие ошибок и идеальный, почти каллиграфический почерк.

И – на последнем уроке: «Они будут ждать тебя за живой изгородью по дороге на площадь Четырех Елок. Хотят насыпать песка за шиворот. Советую идти через лесополосу, вдоль трассы».

У меня не было особых причин доверять ему, это могла быть и ловушка, и все же: он ведь не смеется над их шутками, значит, он не один из них, думал я. И оказался прав: благодаря его наводкам я успешно избежал нескольких засад. Он стал моим информатором, заранее предупреждал меня о планах Тимура и его команды. Вообще, эти уроды со временем даже как-то забыли обо мне.

– Как тебе это удастся? – спросил я однажды. – В смысле как ты узнаешь об их планах?

– Всех представителей рода говнюков объединяет одно, – ответил он, откинув челку с глаз, – они крайне неизобрета-

тельны. У меня было время изучить их повадки. – Пауза, вздох. – На твоём месте раньше был я.

Так началось наше знакомство.

Главное, что меня поражало в Греке: он был как бы сам по себе, не пытался никому понравиться. У него совсем не было друзей, и вел он себя так, словно и не нуждался ни в чьей дружбе. Он везде появлялся с книгой, постоянно что-то читал и этим нарушал главное правило выживания в сельской школе: «Не отвешивай». Мальчишки-школьники всегда особенно тщательно следят за своей репутацией, и если кто-то и читает книги, то старается помалкивать об этом, за такое и побить могут: «Слышь,мышь! Ходь сюды! Чё это ты книжки читаешь, ты чё, самый умный, что ли? А может, ты того, гомик? Любишь книги? Книгоеб, что ли» Но Грек не боялся быть осмеянным. На физкультуре, пока мы разминались или играли в футбол, он сидел с книжкой в руках за линией поля, прислонившись спиной к стволу акации. И даже когда пацаны ради смеха запускали в него мячом (игра называлась «Попади в книгоеба»), он просто откидывал упавшую на глаза челку (таким, знаете, характерным движением головы), подбирал выскользнувшую из рук книжку, отходил подальше, садился на землю и снова отращивал вокруг себя невидимый, непроницаемый купол одиночества.

Когда мы переехали в Рассвет, мой младший брат Егор пошел в первый класс, мама снова стала искать работу – и вскоре устроилась редактором в небольшое издательство в Ростове – и после этого, разумеется, свалила на меня все свои обязанности. Теперь я должен был сам (?) делать уроки, убираться в комнате, мыть посуду после ужина и забирать малька из музыкальной школы. Из ее сына я превратился в ее раба.

– Но почему опять я?!

Мама сидела за трюмо в голубом халате и расчесывала волосы белым гребешком, похожим на фрагмент рыбьего позвоночника. Она посмотрела прямо на меня через зеркало.

– Потому что я вернусь с работы только в семь. Занятия у Егора закончатся в шесть. Поэтому кто-то должен его забрать.

– Да, но почему этот «кто-то» всегда обязательно я?

– А у тебя есть какие-то другие кандидатуры?

– Ну, не знаю, ты можешь родить еще одного ребенка, и пусть он забирает Егора из школы.

Мама не оценила шутку и просто вернулась к своим волосам.

– Разговор окончен, – сказала она.

Когда Егору стукнуло четыре, мама всерьез взялась

за него. Как и меня когда-то, она записала его во всевозможные кружки и секции. Как и я когда-то, он стал центром ее надежд, ее новым проектом «Воспитать гения». Она перечитала все свои старые книги со странными обложками и названиями вроде «Детский интеллект: губка или фильтр?», или «Рацион будущего ученого», или «Мой сын гений! Что делать?» и снова повесила на холодильник таблицу приема витаминов группы В (для развития гиппокампа), йодосодержащих препаратов (для щитовидной железы) и – в обязательном порядке – морепродуктов (фосфор, калий – для мозговой ткани). Со мной все эти книжные методики и рационы не работали, поэтому теперь мама утюжила ими Егора. Я даже немного ему сочувствовал, я ведь знал, каково это. Это звучит ужасно, но иногда мне казалось, что она родила его только потому, что я не оправдал ее надежд, только потому, что мой гиппокамп, вероятно, отторгал витамины группы В, моя щитовидная железа не реагировала на йод, а на морепродукты у меня и вовсе была страшная аллергия.

Впрочем, надо признать, малек оказался гораздо более смысленным, чем мы с отцом. Он схватывал все на лету, уже в год и два месяца он говорил длинными предложениями и почти не картавил. Seriously.

Когда ему было четыре, он однажды спросил:

– А что такое «туроператор»?

Мы все сидели за столом на кухне.

– А где ты это услышал?

– Это написано на холодильнике. – Он показал вилкой.

Мама бросила взгляд на отца. Тот обернулся и посмотрел на листок бумаги, красным магнитиком прикрепленный к эмалированной двери холодильника: «Курорты Черноморского побережья. Телефон туроператора: 86322...»

Уже в четыре года мой младший брат научился читать. Сам. Мама была счастлива – наконец-то ее методики и методички дали результат.

И все же без проблем, конечно, не обошлось. Егор был одарен творчески, но, как любой, эмм, вундеркинд, в быту он был абсолютно беспомощен. Например, даже в семь лет, уже во вполне сознательном возрасте, он не умел завязывать шнурки. Его гибкие пальцы уже давно приручили клавиши рояля, он мог играть небольшие фрагменты из Баха и тем не менее был не способен завязать бантики на кедах. Поэтому родители покупали ему обувь на липучках. Он и внешне был похож скорее на персонажа из сказки или фантастической книжки – пронзительно-красивый, маленький и белобрысый. Помните, был такой фильм «Деревня проклятых»? Так вот, Егор был точь-в-точь как дети инопланетян из того фильма – только глаза не красные, а голубые.

Та же проблема с ориентированием на местности: за ним всегда нужен был глаз да глаз. Однажды он вышел на улицу поиграть с друзьями – и исчез. Никто не обратил внимания, куда он пошел, мама была в настоящей истерике, я никогда не слышал, чтобы она так рыдала; все соседи вышли на по-

иски, с фонариками, прочесывали лесополосы, овраги, вызвали милицию. Егора нашли быстро. Он сидел на лавочке в двух кварталах от нашего дома и просто ждал, пока за ним придут. Когда его спросили, почему он не искал дорогу домой, он ответил: «Я не был уверен, в какой стороне находится дом».

Топографический кретинизм – вот как это называется.

С тех пор мама стала очень нервной; если Егор опять чудил, норовил потеряться или выкинуть еще что-нибудь странное, то виноват в этом был я: «Ведь ты же старший брат!» Я был, в сущности, его телохранителем – и даже нянькой: водил его на все эти его кружки рисования, курсы фортепиано и обратно.

Мои уроки заканчивались в два. Заняться мне все равно было решительно нечем, друзьями я так и не обзавелся, поэтому до шести я просто бездельничал, шатался по коридорам музыкальной школы и слушал протяжные, мучительные звуки, доносящиеся из кабинетов, в которых музицировали малолетки. То, что они играли, очень мало напоминало музыку – скорее это походило на вопли музыкальных инструментов, словно их, инструменты, пытали каленым железом. Особенно больно, судя по всему, было скрипке – она рыдала, вырывалась и умоляла ее отпустить.

Егор учился по классу фортепиано всего год (он начал еще до переезда в Рассвет), но схватывал он все невероятно быстро, уже мог играть мелодии на слух – например, однажды я попросил его сыграть «Имперский марш» из «Звездных войн», и у него неплохо получилось, а вот заглавную тему из «Секретных материалов» он играть отказался, сказал, что она ему неприятна.

На стенах в коридоре висели портреты композиторов. Бетховену кто-то «надел» стильные темные очки. К портрету Баха той же ручкой пририсовали револьвер (весьма неплохо, кстати, очень реалистичный получился, как у Клинта Иствуда) – дуло направлено прямо в висок композитору, перед фамилией приписка: «Ба-» – чтоб получилось «Ба-Бах». Оказывается, среди музыкантов тоже встречаются вандалы-остроумцы, любители портить портреты. Впрочем, возможно, автор этих художеств, как и я, просто заскучал, дожидаясь своего дурацкого, более талантливого младшего брата. В туалете на стене надпись: «Григ жив». И кстати, туалет в музыкалке общий – для мальчиков и девочек. Не знаю почему. Возможно, музыканты просто выше всех этих условностей с половыми различиями.

Чтобы скоротать время, я достал из рюкзака тетрадку, стал вырывать из нее листы, комкал их и бросал в мусорную урну. С точностью у меня проблемы, поэтому очень скоро пол вокруг урны был завален белыми бумажными комками. Я так и не прибравшись за собой – это был мой протест!

Вообще-то я не из тех, кто любит рисовать на стенах и мусорить, но... вы же понимаете: скука иногда способна довести нас до безумия. Когда часами без дела околачиваешься в полутемных коридорах, иногда хочется сделать какую-нибудь гадость, как-то отомстить этому месту за бездарно потраченное время. Я продолжал разглядывать портреты композиторов. Вот Рихард Вагнер. Взгляд у него был какой-то очень наглый и даже вызывающий, он словно смотрел на меня и говорил: «Ну и лох же ты, Петро, так и не смог научиться играть на рояле».

– Сам ты лох! – сказал я портрету и отвернулся.

Вдоль стен стояли ряды стульев. Сиденья у них были деревянные, и задница у меня через две минуты тоже стала деревянной. Наконец наступил момент, когда ни сидеть, ни стоять я больше не мог. И я решил прилечь.

А почему бы и нет? Вообще, мама говорит, что лежать на твердой поверхности полезно для позвоночника. А у меня, между прочим, сколиоз.

Ну, я и прилег.

Минуты две я разглядывал трещины на потолке, пока где-то над головой не раздался голос.

– Что ты делаешь?

Я подскочил так резко, что, кажется, потянул поясницу. Передо мной стояла девочка.

Очень. Красивая. Девочка.

В руках она сжимала стопку желтых листов. На плече –

синий рюкзак.

– Почему ты лежал на полу? Тебе плохо?

– Я... э-э-э... – Мое лицо не просто горело, оно, кажется, дымилось от стыда. – Нет, мне не плохо. Просто я... – Длинная пауза. – Люблю полежать. Иногда. На полу. – Я показал пальцем на пол. – Тут паркет. Паркет – это дерево. А дерево – оно полезно для позвоночника. Так мама говорит.

«Браво! – сказал мой внутренний голос. – Ты просто превозмог себя! Это самое тупое объяснение из всех, что я когда-либо слышал; а я, давай признаемся, слышал их немало, я ведь живу в твоей голове».

Девочка осторожно разглядывала меня: так антрополог разглядывает дикаря.

– Ты странный, – сказала она.

– Ох. – Я отмахнулся. – Поверь, в моей семье я самый нормальный.

– В твоей семье все любят лежать на полу в общественных местах?

Я чувствовал, что сейчас скажу очередную глупость, поэтому молчал.

– Почему ты молчишь? – спросила девочка. Она убрала за ухо темную прядь.

– Э-э-э... – Я поднял палец, собираясь что-то ответить, но снова запнулся. Мой внутренний голос всегда был особенно жесток ко мне, когда я пытался разговаривать с девочками. Особенно с красивыми.

– У тебя такого никогда не бывает? – спросил я. – Вот ты хочешь что-то сказать и так сильно боишься ляпнуть глупость и разочаровать человека, что просто молчишь, как дурак. Ну, то есть как дура. Ой, прости. – Я нервно размахивал руками, пытаясь выразить свою мысль. – Моя мама называет это «внутренний цензор». Такой голосок внутри головы, твой самый жестокий судья, сноб, который тщательно следит за твоими словами, и высмеивает, и стыдит тебя всякий раз, когда ты лажаешь.

Разговор не клеился, девочка, кажется, уже пожалела, что вообще заговорила со мной.

«Давай, расскажи ей что-нибудь еще обо мне! – сказал внутренний голос. – Тогда она точно решит, что ты шизофреник».

В горле пересохло. Я поднял руки, как бы сдаваясь.

– Прости. Давай начнем сначала. Забудь, что я говорил про «внутреннего цензора».

– Нет-нет, я понимаю, о чем ты, – сказала она.

– Правда? – сказал я.

«Ни фиги себе!» – сказал внутренний цензор.

– Я тоже могу очень долго перебирать слова в голове, пытаясь найти правильные. – Она улыбнулась и показала на висок. – И внутренний голос постоянно твердит, что я делаю это слишком медленно. Я думаю, это тоже можно назвать «внутренним цензором».

«Эй, а она мне нравится, – сказал мой внутренний цен-

зор. – Спроси, как зовут ее внутреннего цензора? Она может нас познакомить?»

– Меня зовут Петро.

– Аня. – Она пожала мою руку. – Петро? Какое интересное имя.

– Ну, на самом деле Петр, но все зовут меня Петро.

Я рассказал ей, что жду здесь младшего брата.

– Он учится играть на фортепиано. И поверь, он гораздо страннее меня («Страннее? Нет такого слова!»). Например, он ест только круглую еду.

– Что? – Аня засмеялась. – Это как?

Мы шли по коридору в сторону актового зала.

– Ну, он любит овсяное печенье. Однажды мама купила ему тульский пряник, а он разрыдался и сказал, что не будет его есть. «Он прямоугольный». Орал, брыкался. И успокоился, только когда мама аккуратно разрежала его надвое и обрезала углы, так, чтоб было похоже на печенье.

– Да, мой младший брат тоже все время чудит, – сказала Аня.

– У него тоже странные отношения с печеньками, да?

– Типа того. Он, как бы это сказать, с прибабахом. Не любит, например, когда его трогают за голову, поэтому не ходит к парикмахерам и стрижет себя сам. Выглядит это ужасно, но ему нравится. Вообще, он очень умный, уже все книги в доме перечитал, и у соседей тоже. Наша мама работает в архиве института, он и там, кажется, все папки перелопатил.

И при этом у него совершенно нелепое, абсурдное воображение. Постоянно мерещится всякое. Преступления, заговоры, шпионы. Воображает себя детективом. Например, недавно он пытался мне доказать, что водонапорная башня за девятым домом – это на самом деле не водонапорная башня, а ракета «Фау-2», замаскированная под водонапорную башню. Это ужасно странно. Ну, то есть я понимаю, что ему тринадцать и все такое, и мама говорит, что в его возрасте это, типа, нормально, но я за него все равно беспокоюсь.

Она остановилась возле входа в актовый зал и показала большим пальцем за спину:

– Мне сюда.

– А что там?

Я заглянул внутрь. По сцене ходили мальчишки в смешных костюмах – в странных мундирах, с цилиндрами на головах. И декорация – огромный картонный Биг-Бен и, кажется, тот знаменитый Лондонский мост, который обычно рисуют на коробках с английским чаем или печеньем. Как он там называется?

– Мы репетируем. Играем пьесу. По Диккенсу. «Дэвид Копперфилд».

– А-а-а-а, Копперфилд? – Я закивал. – Пон-нятно.

«Угу, типа, ты знаешь, кто это такой», – скептически сказал мой внутренний цензор.

«А вот и знаю!»

«И кто же»

«Волшебник! Я по телику видел! Он прошел сквозь Великую Китайскую стену».

«Ты идиот, – вздохнул мой внутренний цензор. – Мне стыдно, что я живу в такой пустой голове».

– Он снова там, да? – спросила Аня, показывая на висок. – Твой внутренний цензор?

Я улыбнулся и кивнул.

– Можно я посмотрю, как вы репетируете? Я очень люблю Дэвида Копперфилда.

Аня посмотрела себе за спину, потом в даль коридора.

– А разве тебе не надо забирать брата?

– Ой. – Я посмотрел на свои наручные часы «Касио». – Едрена мать!

И бросился бежать.

– Пока! – Аня махала мне вслед.

Учителя алгебры звали Сергей Семенович, и его инициалы – СС – сыграли с ним злую шутку. Мы называли его Эсэсовец. И он действительно был похож на немецкого штандартенфюрера: высокий блондин, всегда в черном, идеально выглаженном костюме, он ходил между партами, заложив руки за спину, как надзиратель.

Каждый урок начинался с того, что он проходил между рядами и проверял наличие всех необходимых предметов

на партах: ручка (синяя), карандаш (наточенный; а если нет – он лично даст тебе точилку и будет молча стоять над душой, пока ты не наточишь карандаш; поверьте – это страшное зрелище; от такого у ученика начинают дрожать руки, он косячит с точилкой, нервничает еще больше, потеет и тихо доводит себя до нервного тика; я видел, как ученики падали в обморок, потому что не могли выдержать молчаливого взгляда Сергея Семеновича), ластик (чистый), линейка (30 см; именно 30 – и ни сантиметром меньше), тетрадка (в клеточку, открытая на чистой странице), дневник (закрытый, на углу парты), учебник (открытый на параграфе, который задавали на дом). Сергей Семенович больше всего на свете уважал порядок (и нефilterованное пиво, но сейчас не об этом). Если ученик забывал принести с собой ластик или положить на парту дневник, СС спокойно, но строго указывал ему на это, если ошибка повторялась – он указывал на дверь.

Он склонился над моей партой:

– Как вас зовут, молодой человек?

– Петр.

– Просто Петр? Или у вас есть фамилия?

– Да, есть. Портной.

Если твоя фамилия звучит как профессия – это всегда проблема. Людям может показаться, что ты издеваешься или – что ты не понял вопроса.

– Почему вы не собраны, Петр Портной? Что это за стоп-

ка?

– Это книжки из библиотеки. Я только что оттуда.

– А почему они лежат на парте?

– Извините, они не помещаются в рюкзак. Я не знаю, куда их деть.

Он еще сильнее наклонился, навис над моей головой, как зловещий сталактит. Из рта у него несло гнилой капустой, я задержал дыхание. Его ноздри были прямо над мной: черные волосинки торчали из них, как лапки тараканов (и я подумал: «Странно: сам он блондин, а волосы в носу – черные. Разве так бывает?»).

– Вы знаете порядок. На парте должен быть только один учебник, – сказал он и двинулся дальше, вдоль ряда, заложив руки за спину.

– Но куда же я дену все остальные книжки?

Он замер, развернулся на каблуках и склонил голову набок:

– Вам что-то непонятно во фразе: «На парте должен быть только один учебник»? Разве у этого утверждения есть какой-то дополнительный смысл?

– Нет, но...

– Вот и уберите лишние учебники.

– Но куда?

– Просто положи их на пол, не зли его, – прошептал Саша Грек.

Я молча стащил стопку книг и сложил их под стулом, оста-

вив на парте только учебник по алгебре. Лицо у меня горело, подмышки взмокли, я чувствовал, как все вокруг смотрят на меня с недоумением. Как на дикаря.

– Вот и отлично. – Сергей Семенович хлопнул в ладоши. – Ита-а-а-ак. Ваши учебники открыты на странице тридцать два. Кто хочет зачитать определение, с которого начинается параграф? Есть добровольцы? Петр Портной, не хотите попробовать?

Я открыл учебник и начал судорожно листать страницы. По классу пробежала волна смешков.

Сергей Семенович сжалился надо мной – надо отдать ему должное, он выглядел как злодей, но, в сущности, злодеем не был – просто любил порядок:

– Я понимаю, что вы недавно перешли в этот класс, Петр. Не волнуйтесь. Давайте же, читайте. – Он тер переносицу большим и указательным пальцами. – Страница тридцать два.

Я бросил взгляд на страницу и уже хотел начать читать, но... не смог. Она была пуста. Страница. Белый лист. И следующая тоже. И та, что за ней.

– Вы испытываете мое терпение, молодой человек.

– Может, он не умеет читать? – донеслось с задней парты, и все захихикали.

– Здесь пусто, – сказал я.

– Что?

– Учебник. – Я поднял книгу повыше и показал ему стра-

ницы. – Он пустой.

– Да что ж это такое! – Сергей Семенович подошел ко мне, вырвал книгу и стал листать ее. – Вы что, издеваетесь?

Выражение на его лице изменилось: он смотрел на меня с негодованием и даже с возмущением, так, словно я намеренно злю его, словно я специально принес на урок пустой учебник или каким-то магическим образом заставил все буквы и цифры просто исчезнуть со страниц.

– По-вашему, это смешно?

– Я не...

– Вы, вероятно, считаете, что это отличная шутка. Хотите прослыть бунтарем?

– Но...

– Я уже слышал о вашей выходке на уроке Нины Петровны. Так вот, я хочу сказать вам, что со мной этот номер не пройдет.

– Но...

– Выйдите из класса.

– Да я же...

– Я сообщу о вашей выходке классному руководителю.

Вот так я заработал второй выговор за месяц. Меня оставили после уроков, мыть пол в кабинете алгебры. Никто даже не стал выяснять, как такое могло случиться. Учителя слов-

но сговорились, они были уверены, что вся эта история с пустыми страницами – сознательный саботаж.

Я полоскал половую тряпку в грязном жестяном ведре и ненавидел их всех. Мне было ужасно жалко себя, хотелось плакать.

– Как ты это сделал? – спросил Миха.

Его тоже оставили после уроков, начудил чего-то на уроке физкультуры. Сейчас он вытирал пыль с подоконников, с листьев фикусов, поднимал горшки с кактусами и вытирал под ними.

– Сделал что?

За окнами темнело – уже почти семь вечера.

– Ну, пустой учебник. Это крутой трюк.

Я лишь устало выдохнул. В руках у меня была швабра с мокрой тряпкой на конце – и мне хотелось ударить его этой тряпкой по морде.

Вода в ведре очень быстро стала черной, как нефть. Сливать всю эту мерзкую жижу в раковину в подсобке нам запретили (засор). Слить ведро и набрать чистой воды можно было только в туалете для мальчиков на первом этаже.

– Давай я отнесу, – сказал Миха.

Его внезапная доброта удивила меня, я согласился, и только через десять минут, когда он не вернулся, я понял, что он попросту сбежал и оставил меня одного.

– Привет.

Я поднял взгляд. В дверном проеме стоял Грек.

– Привет.

– Я это... – Он мялся на пороге. – Про книгу хотел спросить. Ну, эту, с пустыми страницами.

– Клянусь, если еще хоть один раз услышу об этой книге, я начну убивать людей, – сказал я.

– Я просто хотел посмотреть на нее, – сказал Грек. – Она у тебя, нет?

– У меня. Вообще-то ее грозились отобрать, но, похоже, забыли в суматохе – так сильно увлеклись выбором наказания. Мне еще и от родителей сегодня влетит.

– О, это отлично, просто отлично. Я бы хотел ее обменять.

Я выпрямил спину и отложил швабру:

– Обменять?

– Ну да. Тебе ведь она не нужна, нет? Давай договоримся: ты отдашь мне эту книгу, а я в качестве оплаты буду делать за тебя домашку по алгебре до конца года.

– Я не могу отдать ее тебе, это книга из библиотеки, – сказал я.

– А! – Он расстегнул рюкзак и достал свой учебник. – Возьми.

– А как же ты будешь?..

Он отмахнулся.

– Что-нибудь придумаю.

Он переминался с ноги на ногу и смотрел как будто на меня, но при этом избегал прямого зрительного контакта. Я давно заметил эту его странность: когда он разговаривал

с тобой, он смотрел не в глаза, а в воображаемую точку рядом с левым ухом собеседника. Смотреть в глаза он боялся.

Я разглядывал его, скрестив руки на груди. Мне стало любопытно.

– Ты ведь понимаешь, что я не отдам тебе эту книгу, пока ты не объяснишь, зачем она тебе.

Он поморщился так, словно ему вонзили иглу между ребрами. Вся его поза, нервные движения рук, топтание на месте – все говорило о том, как тяжело дается ему этот разговор.

– Слушай. – Он вздохнул. – Я ведь отличную сделку предлагаю. Домашка по алгебре за весь год. Я шарю в цифрах, спроси кого хочешь, у тебя одни пятерки будут.

– Я тоже шарю в цифрах.

На лице его отразилось удивление, потом – досада, затем – скепсис.

– Серьезно?

– Да, мой отец – математик.

– Постой-ка. – Он почесал затылок и, кажется, впервые посмотрел мне прямо в глаза. – Ты же на первом уроке говорил, что он антрополог. Еще целую историю про пустыню рассказал.

Я открыл было рот, но осекся. Грек заметил мое смятение и улыбнулся: теперь уже ему стало интересно.

– Я так и знал. – Он сел на край парты. – Что тут что-то не так.

– Это не твое дело, понятно?

– Понятно. – Он пожал плечами. – Конечно, понятно. Видишь, я не задаю лишних вопросов. И я обещаю: никто не узнает об этом. Но моя просьба остается в силе: ты отдашь мне свою пустую книгу?

Я был так зол, на себя – за то, что проговорился, и на него – за то, что он заметил мою оплошность, что просто огрызнулся:

– А если не отдам, то что, будешь шантажировать меня?

– Шантажировать? Ты дурак, нет? – Он откинул длинную челку с глаз. – Шантаж – это подло. И непродуктивно. Я бы никогда... да ну тебя. – Он схватил рюкзак, бросил в него свой учебник и вышел из кабинета.

Я взял швабру и вернулся к работе. Я уже почти закончил мыть пол, когда он снова появился в дверях.

– Я их собираю.

– Что?

– Книги. – Он переступил порог. – В смысле я собираю бракованные книги. Я называю их «книги-уроды».

– Книги-уроды?

– Ну да. Знаешь, так бывает, в типографии что-то идет не так, и из пяти, скажем, тысяч книг одна получается не такой, как все. Либо строчки поехали, либо краска не того цвета, страницы склеились, нумерация сбилась, еще бывают книги-перевертыши – это когда ты открываешь книгу, а там все вверх тормашками. Ну, то есть книга-урод – это книга

с поврежденным текстом.

– И ты их собираешь.

– Ну да. Такие книги редко попадают в библиотеки или в книжные. Обычно их отслеживают и уничтожают. Такой вот геноцид книг.

– Я не знал этого, – сказал я (а еще я не знал, что такое «геноцид», но постарался запомнить слово, чтобы вечером посмотреть его значение в словаре).

– Да! – воскликнул Грек. По лицу его было видно, какое удовольствие ему доставляет рассказ о книгах-уродах. – Представляешь? Они уничтожают книги.

– Прямо сжигают?

– Не-а. Это как раз самое интересное. Я читал, что в СССР в подвалах типографий стояли котлы с кислотой, и неудобные книги бросали в них, и они растворялись там.

– Жуть какая.

– Ага. Книжные концлагеря. – Он вдруг осекся, поняв, что уже слишком много наговорил, и вновь напустил на себя серьезности. – Так вот: если ты вернешь эту свою пустую книгу в библиотеку, ее уничтожат. Сто процентов.

Повисла тишина. За окном проехала машина скорой помощи, красные блики сирен мелькнули на стенах.

– Ты странный, – сказал я.

Он лишь пожал плечами, как бы говоря: «Какой есть».

Я достал из рюкзака пустой учебник и вручил ему. Он с интересом стал листать его, разглядывая пустые страницы

так, словно там были картинки.

– Невероятно, – прошептал он, потом поднял на меня взгляд и улыбнулся.

– Спасибо. Такой у меня еще не было. Это прям какой-то учебник дзен-буддизма.

(Слово «дзен-буддизм» я тоже постарался запомнить, чтобы вечером посмотреть в словаре.)

– И сколько их у тебя?

– С этой – двадцать три. У меня теперь своя кунст-библиотека.

Он сунул учебник в рюкзак и протянул мне свой – нормальный, с параграфами, цифрами и формулами. Странно, но в тот момент я даже немного пожалел, что не оставил пустой учебник себе. Теперь, узнав о существовании «книг-уродов» и «книжных кислотных котлов», я понял всю ценность и уникальность экземпляра с пустыми страницами.

– А мой отец собирает табуретки, – вдруг сказал я.

Не знаю почему. В этой фразе не было никакого смысла, мне просто захотелось чем-то поделиться с Греком – пусть самой маленькой тайной.

– Какой из них? Антрополог или математик? – спросил он и засмеялся, потом поднял руки, как бы сдаваясь. – Да шучу я, шуткую. Прости, не смог удержаться.

Я рассказал ему о странном хобби отца: о совершенно одинаковых табуретках, которые он день за днем мастерил в своем гараже. К моему удивлению, табуреточная история

привела Грека в восторг.

– Это ужасно круто, – сказал он.

Я не решился спросить, почему он так считает, ведь он был первым человеком, который на полном серьезе назвал моего отца «крутым». И я не хотел портить это ощущение.

– Эй, молодежь. – В дверях появилась голова охранника. – Вы скоро? Уже шесть, я должен закрыть кабинет.

Меня вдруг бросило в пот. Шесть часов. Егор!

Музыкалка располагалась по ту сторону площади Четырех Елок. Через четыре минуты я уже бежал по коридору с портретами композиторов.

Кабинет был открыт, я заглянул внутрь. Галина Викторовна сидела за учительским столом и заполняла журнал. Она посмотрела на меня поверх своих круглых, как у Джона Леннона, очков (прическа у нее, кстати, тоже вполне джон-ленноновская – это мама так сказала).

– Петро? Здравствуй.

– Егор! – сказал я, озираясь. – Где он?

– Я думала, он с тобой. – Она бросила взгляд на часы, висящие на стене, над дверью. – А разве ты не?..

Я выбежал из кабинета и оглядел ряды стульев вдоль стен. Никого.

Рядом стоял Грек, он прибежал сюда вместе со мной (поз-

же, когда я спросил у него, зачем он пошел за мной в музыкальную школу, он лишь пожал плечами и сказал: «У тебя было такое лицо, что мне самому стало страшно, вот и побежал за тобой. Отчасти, конечно, это было еще и любопытство, веришь, нет?»).

Я бегал по коридорам, заглядывал во все кабинеты и спрашивал у каждого встречного, видел ли он (или она) маленького, худого, белобрысого мальчика с синим рюкзаком. Люди качали головами, моя паника нарастала.

Я рассказал Греку о причудах своего брата, о его «топографическом кретинизме» и полной беспомощности. И он теперь со мной бегал по этажам, даже спустился вниз, к выходу, и спросил у вахтера, но вахтер – старый лысый дядька, лицо которого выглядело так, словно бог начал лепить его из глины, но разочаровался в замысле и бросил на полпути, реально недоделанное лицо, я не шучу, какой-то черновик лица, – сказал лишь, что мимо него прошли десятки детей с синими рюкзаками, и он, видите ли, не обязан всех помнить.

Я как безумный носился по коридорам и кричал: «Егор! Егор!» – люди, едва завидев меня вдалеке, прижимались к стенам.

В какой-то момент на лестнице я столкнулся с двумя пацанами из театрального кружка. Они были в сценических костюмах – в сюртуках, цилиндрах, с тростями.

– Привет, – сказал один из них. – Мы проверили пятый

этаж, его там нет.

Я замер на месте.

– Мы помогаем искать Шопена, – сказал второй. – Грек попросил нас.

Через минуту коридоры наполнились диккенсовскими персонажами – ребята из театрального кружка помогали искать моего брата. Но его нигде не было. Мы все собрались возле раздевалки на первом этаже. Мальчишки и девчонки стояли полукругом, все в костюмах леди и джентльменов. В любой другой ситуации я бы оценил иронию, но не сейчас.

Мы все беспокойно переглядывались. Я увидел Анну – и без слов понял, что тот странный младший брат, о котором она мне рассказывала, и есть Грек, и именно он попросил ее о помощи.

Она молча кивнула мне.

– Так, народ. – Парень в высоком цилиндре деловито хлопал в ладоши, пытаясь привлечь внимание, и жестиком регулировал, как регулировщик на оживленном перекрестке. – Шопен не мог уйти далеко. Школу мы прочесали, его тут нет. Надо прочесать улицу. Давайте поделим территорию на квадраты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.